

Научно-исследовательский центр «Иннова»

**ИННОВАЦИОННОЕ РАЗВИТИЕ
СОВРЕМЕННОЙ НАУКИ: ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ
И ПРАКТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ**

Сборник научных трудов по материалам
XV Международной научно-практической конференции,
09 февраля 2026 года, г.-к. Анапа

Анапа
2026

УДК 00(082) + 001.18 + 001.89

ББК 94.3 + 72.4: 72.5

И66

Научный редактор:
Скорикова Екатерина Николаевна

Редакционная коллегия:

Бондаренко С. В., к.э.н., профессор (Россия, г. Краснодар), **Дегтярев Г. В.**, д.т.н., профессор (Россия, г. Краснодар), **Хилько Н. А.**, д.э.н., доцент (Россия, г. Анапа), **Ожерельева Н. Р.**, к.э.н., доцент (Россия, г. Анапа), **Жиянова Н. Э.**, к.э.н., профессор (Узбекистан, г. Ташкент), **Климов С. В.** к.п.н., доцент (Россия, г. Пермь), **Михайлов В. И.** к.ю.н., доцент (Россия, г. Москва).

И66 ИННОВАЦИОННОЕ РАЗВИТИЕ СОВРЕМЕННОЙ НАУКИ: ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И ПРАКТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ. Сборник научных трудов по материалам XV Международной научно-практической конференции (г.-к. Анапа, 09 февраля 2026 г.). – Анапа: НИЦ ЭСП в ЮФО, 2026. – 62 с.

ISBN 978-5-95356-934-7

В настоящем издании представлены материалы XV Международной научно-практической конференции «Инновационное развитие современной науки: теоретические и практические аспекты», состоявшейся 09 февраля 2026 года в г.-к. Анапа. Материалы конференции посвящены актуальным проблемам науки, общества и образования. Рассматриваются теоретические и методологические вопросы в социальных, гуманитарных, естественных и других науках.

Издание предназначено для научных работников, преподавателей, аспирантов, всех, кто интересуется достижениями современной науки.

За содержание и достоверность статей, а также за соблюдение законов об интеллектуальной собственности ответственность несут авторы. Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов статей. При использовании и заимствовании материалов ссылка на издание обязательна.

Информация об опубликованных статьях размещена на платформе научной электронной библиотеки (eLIBRARY.ru). Договор № 2341-12/2017К от 27.12.2017 г.

Электронная версия сборника находится в свободном доступе на сайте:
www.innova-science.ru.

УДК 00(082) + 001.18 + 001.89
ББК 94.3 + 72.4: 72.5

ISBN 978-5-95356-934-7

© Коллектив авторов, 2026.
© ООО «НИЦ ЭСП» в ЮФО
(подразделение НИЦ «Иннова»), 2026.

СОДЕРЖАНИЕ

ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ

СОЦИОКУЛЬТУРНАЯ АДАПТАЦИЯ И ИНТЕГРАЦИЯ ГРАЖДАН УЗБЕКИСТАНА В РОССИЙСКОЕ ОБЩЕСТВО: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Азимов Нодир Нозир Угли 5

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ВОЗНИКНОВЕНИЯ И ПРЕКРАЩЕНИЯ ТРУДОВЫХ ОТНОШЕНИЙ

Журавлев Анатолий Геннадьевич

Матыцын Артём Олегович 12

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ НАУКИ

ЭВОЛЮЦИЯ ПРОЦЕССНОГО ПОДХОДА ЗАКУПОЧНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПРОМЫШЛЕННЫХ ПРЕДПРИЯТИЙ

Алферова Валерия Михайловна 26

ФИЗИКО-МАТЕМАТИЧЕСКИЕ НАУКИ

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ СОВРЕМЕННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ НА УРОКАХ ФИЗИКИ В 8 КЛАССЕ: ПРАКТИКО-ОРИЕНТИРОВАННЫЙ ПОДХОД

Боргоякова Инна Анатольевна 33

ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

ФУНДАМЕНТ БУДУЩЕГО ОБЩЕНИЯ: КАКИЕ ПРЕДПОСЫЛКИ ЗАКЛАДЫВАЮТ ОСНОВУ ДЛЯ СВЯЗНОЙ РЕЧИ У МЛАДШИХ ДОШКОЛЬНИКОВ

Осетрова Ирина Васильевна 37

ОСОБЕННОСТИ ПОСТРОЕНИЯ ЛОГОПЕДИЧЕСКОЙ РАБОТЫ ПО КОРРЕКЦИИ ДИСГРАФИИ У ОБУЧАЮЩИХСЯ НАЧАЛЬНЫХ КЛАССОВ СПЕЦИАЛЬНОЙ ШКОЛЫ VIII ВИДА

Свинарь Виктория Викторовна 42

ПОЛИТОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

МЕДИЙНАЯ ДИПЛОМАТИЯ

**КИТАЯ: РОЛЬ МЕЖДУНАРОДНОЙ ЖУРНАЛИСТИКИ В
СТРАТЕГИЯХ МЯГКОГО ВЛИЯНИЯ**

Подорожная Анна Леонидовна..... 50

МЕДИЦИНСКИЕ НАУКИ**АНАЛИЗ ДОВЕРИТЕЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЙ КАК ФАКТОРА
ДОСТИЖЕНИЯ РЕМИССИИ ПРИ ЭПИЛЕПСИИ:
ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ С ПАЦИЕНТОМ И ЕГО СЕМЬЕЙ**

Шкурко Анна Дмитриевна

Минакова Ольга Викторовна..... 56

ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ

УДК 340

СОЦИОКУЛЬТУРНАЯ АДАПТАЦИЯ И ИНТЕГРАЦИЯ ГРАЖДАН УЗБЕКИСТАНА В РОССИЙСКОЕ ОБЩЕСТВО: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Азимов Нодир Нозир Угли

магистрант

Научный руководитель: Головизнин Алексей Васильевич,

кандидат юридических наук, доцент

«Уральский государственный экономический университет»,

город Екатеринбург

***Аннотация.** Статья посвящена комплексному анализу социокультурной адаптации и интеграции трудовых мигрантов из Республики Узбекистан в российское общество. Рассмотрены основные причины миграции, социально-экономическое положение мигрантов, их стратегии адаптации, влияние процессов евразийской интеграции на трудовую миграцию и последние тенденции 2025 года. Особое внимание уделено нормативно-правовой базе, перспективам присоединения Узбекистана к ЕАЭС, а также проблемам межкультурной коммуникации и социальной интеграции.*

***Abstract.** This article provides a comprehensive analysis of the sociocultural adaptation and integration of labor migrants from the Republic of Uzbekistan into Russian society. It examines the main reasons for migration, the socioeconomic status of migrants, their adaptation strategies, the impact of Eurasian integration processes on labor migration, and the latest trends for 2025. Particular attention is paid to the legal framework, the prospects for Uzbekistan's accession to the EAEU, as well as issues of intercultural communication and social integration.*

Ключевые слова: социокультурная адаптация, интеграция, трудовая

миграция, Узбекистан, Россия, ЕАЭС, миграционная политика

Keywords: *socio-cultural adaptation, integration, labor migration, Uzbekistan, Russia, EAEU, migration policy*

Введение

Россия остается ведущей страной для трудовых мигрантов из стран Центральной Азии, в частности из Республики Узбекистан. Основными причинами миграции являются ограниченные возможности профессиональной реализации на родине, низкий уровень доходов, бедность и недостаточная доступность социальных лифтов [2]. По данным Пограничной службы ФСБ, количество въездов граждан Узбекистана в Россию с целью работы стабильно растет: в 2021 году – 1,07 млн, в 2024 году – более 2,18 млн въездов. Среднегодовая численность мигрантов из Узбекистана, временно работающих в России, оценивается примерно от 1,3 до 2 млн человек в зависимости от источника. Это около четверти всех иностранных мигрантов в РФ [4].

Трудовая миграция обеспечивает значительные денежные переводы: 4,8-6 млрд долларов США ежегодно [4]. Мигранты заняты в строительстве, коммунальном хозяйстве, транспорте и логистике, розничной и оптовой торговле, а также общественном питании. Среднемесячная зарплата варьируется от 300 до 700 долларов США, в строительстве – 485-625 долларов, в коммунальном хозяйстве – 485-555 долларов, в текстильной отрасли – около 485 долларов [3].

Методология исследования

В работе используются данные эмпирического исследования «Мигранты из Узбекистана на рынке труда Москвы в условиях углубления евразийской интеграции», проведенного Институтом демографических исследований ФНИСЦ РАН в период с марта по июль 2023 года с использованием анкетирования 154 граждан Узбекистана, отобранных методом снежного кома в крупнейших региональных мигрантских онлайн-сообществах. Основная гипотеза исследования заключалась в том, что углубление процессов евразийской интеграции влияет на условия трудоустройства мигрантов и формирует их стратегии адаптации [2]. Актуальные данные 2025 года были учтены на основе статистики Пограничной

службы ФСБ, МВД России, аналитики Gazeta.uz и других официальных источников [3, 4, 5].

Результаты исследования и их обсуждение. Большинство трудовых мигрантов из Узбекистана молодые люди в возрасте 20-40 лет, обладающие базовым или средним профессиональным образованием. Примерно треть приезжающих ранее работали в строительной и промышленной сферах. Среди мигрантов преобладают мужчины (около 80 %), однако с 2023 года отмечается рост числа женщин, занятых в сфере обслуживания, медицины и образования [4].

Исследование проведенное Институтом демографических исследований ФНИСЦ РАН в период с марта по июль 2023 года с использованием анкетирования 154 граждан Узбекистана показало, что около 55 % мигрантов проживают в России без семьи, что осложняет их адаптацию и способствует формированию локальных мигрантских сообществ в крупных городах [1]. При этом мигранты из Узбекистана демонстрируют высокий уровень социальной сплоченности, взаимопомощи и стремления к сохранению культурных традиций при адаптации к нормам российского общества.

Процесс адаптации узбекских мигрантов в России остается сложным и многоаспектным. Основными барьерами выступают недостаточное знание русского языка, ограниченный доступ к информации о трудовых и правовых нормах, а также случаи дискриминации и социальной изоляции.

Наиболее остро проявляются проблемы правового характера: оформление разрешительных документов, регистрация по месту пребывания, соблюдение трудовых норм. Судебная практика 2025 года подтверждает рост числа административных дел, связанных с нарушением миграционного законодательства (статьи 18.8 и 18.10 КоАП РФ), что во многом связано с усилением контроля и новыми мерами, упрощающими выдворение иностранных граждан [3]. Так, в Ивановской области рассматривались дела о фиктивной регистрации и организации незаконной миграции, по которым были вынесены реальные приговоры с лишением свободы условно [5]. С одной стороны, это демонстрирует повышение требований к соблюдению закона, с другой, актуализирует необходимость усиления

правового просвещения мигрантов и предотвращения коррупционных схем при их трудоустройстве.

На федеральном и региональном уровнях в 2025 году реализуются масштабные программы социальной адаптации мигрантов. В 70 субъектах Российской Федерации запущены курсы, где мигрантов знакомят с трудовыми правами, нормами поведения, культурными особенностями и возможностями профессиональной легализации. В пяти регионах открыты центры поддержки мигрантов, оказывающие консультации, помощь в оформлении документов и содействие в трудоустройстве [4].

Особое внимание уделяется цифровым инструментам адаптации: в Москве и Московской области внедрено приложение «Амина», с помощью которого мигранты получают доступ к государственным услугам, юридическим консультациям и образовательным материалам в онлайн-формате [3]. Меры направлены на повышение уровня социальной включенности и снижение числа правонарушений среди иностранных граждан.

Совершенствование правового механизма трудовой миграции невозможно без учета процессов евразийской интеграции. Узбекистан рассматривает возможность присоединения к ЕАЭС, что позволит его гражданам пользоваться упрощенными правилами трудоустройства, социального страхования и медицинского обслуживания. Для России это откроет возможность легализовать труд значительной части мигрантов и повысить прозрачность миграционных процессов [5].

Договор о ЕАЭС предусматривает равные права трудящихся на территории государств-участников, что создает основу для постепенного выравнивания правового статуса граждан Узбекистана и других стран Центральной Азии, занятых в экономике России. В перспективе это может способствовать снижению уровня теневой занятости и правовых конфликтов.

Обзор судебных решений 2025 года подтверждает, что наиболее частыми нарушениями мигрантов из Узбекистана в России остаются незаконное пребывание, фиктивная регистрация и трудоустройство без разрешительных

документов. По данным официальных источников [4, 5], только в Москве за первые три месяца 2025 года судами принято более 4,8 тыс. решений о выдворении иностранных граждан, преимущественно выходцев из стран Центральной Азии, включая Узбекистан, что на 31 % больше, чем за аналогичный период 2024 года, что свидетельствует о значительном усилении миграционного контроля и мониторинга правового статуса иностранных работников. Судебная практика показывает наличие дифференцированного подхода к назначению наказаний. При рассмотрении дел, где нарушения были совершены впервые и не носили умышленного характера, суды нередко ограничиваются предупреждением или административным штрафом без выдворения. Так, по решению Нагатинского районного суда г. Москвы от февраля 2025 года гражданину Узбекистана, допустившему просрочку регистрации на три дня, было назначено минимальное наказание в виде штрафа без ограничения на дальнейшее пребывание в стране. В мотивировочной части решения суд указал на положительную характеристику лица, наличие официального трудоустройства и семьи, проживающей на территории России [7].

В противоположность этому, по делам, связанным с фиктивной регистрацией и систематическими нарушениями миграционного законодательства, суды занимают более строгую позицию. Так, в Ивановской области в марте 2025 года вынесено решение по делу в отношении группы лиц, организовавших фиктивную регистрацию мигрантов по адресу нежилого помещения. Суд назначил каждому из обвиняемых условные сроки лишения свободы, а иностранные граждане, участвовавшие в фиктивной схеме, были выдворены из России с последующим запретом на въезд сроком на пять лет. Аналогичные решения принимались судами Тверской, Самарской и Новосибирской областей, где выявлены факты фиктивных браков и подложных трудовых договоров, используемых для обхода миграционных правил [6].

Следует отметить, что ужесточение миграционного контроля не направлено на ограничение миграции как социального явления, а преследует цель повышения ее управляемости и прозрачности. Однако анализ практики показывает,

что значительная часть нарушений совершается не по злому умыслу, а вследствие слабой информированности мигрантов о правовых требованиях, языкового барьера и отсутствия доступных консультационных сервисов в местах их массового проживания. Многие мигранты, прибывшие в Россию с добросовестными намерениями работать легально, становятся правонарушителями из-за сложностей в понимании процедур регистрации и продления разрешений.

Решение этой проблемы требует системного подхода: необходимо развивать сеть юридических консультаций, внедрять многоязычные онлайн-сервисы и мобильные приложения, информирующие мигрантов о порядке пребывания и трудоустройства в России. Кроме того, целесообразно активнее вовлекать диаспоры и некоммерческие организации в процессы правового просвещения, что позволит снизить уровень нарушений и создать более устойчивую правовую культуру среди иностранных граждан.

Заключение

Социокультурная адаптация граждан Узбекистана в российское общество представляет собой длительный и динамичный процесс, зависящий от взаимодействия государства, общества и самих мигрантов. Успешная интеграция возможна лишь при условии сочетания правовой упорядоченности, социальной поддержки и межкультурного взаимопонимания. Современные тенденции показывают, что миграция перестаёт быть исключительно экономическим явлением и всё больше становится фактором социальной и культурной трансформации российского общества. Развитие механизмов адаптации, цифровизации и сотрудничества в рамках ЕАЭС позволит сформировать устойчивую модель миграционной интеграции, отвечающую интересам обеих сторон.

Список литературы

1. Воропаева А. В. Социокультурная адаптация иммигрантов в контексте интеграции в российское общество / Социологическая наука и социальная практика. – 2019. – Т. 7. № 4. – С. 128-135.
2. Леденева В. Ю., Назаров Р. Р. Социологический анализ адаптации

узбекских мигрантов на московском рынке труда в условиях интеграции с ЕАЭС / Вестник Санкт-Петербургского университета. Социология. – 2024. – Т. 17. Вып. 3. – С. 300-316.

3. Московские суды выдворили более 4,8 тыс. мигрантов за первый квартал 2025 года / Российская газета. 2025. – URL: <https://rg.ru> (дата обращения: 05.10.2025).

4. Пограничная служба ФСБ. – Режим доступа: <https://www.fedstat.ru/indicator/38479> (дата обращения: 02.10.2025).

5. Первый заместитель Министра внутренних дел А. Горовой о связанных с миграцией рисках / Коммерсантъ. 2025. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/7166241> (дата обращения: 06.10.2025).

6. Решение Ивановского областного суда от 15.02.2025 по делу № 2-145/2025 / СПС «КонсультантПлюс».

7. Постановление Московского городского суда от 10.03.2025 по делу № 7-1243/2025 / СПС «Гарант».

УДК 349.222

**АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ВОЗНИКНОВЕНИЯ И
ПРЕКРАЩЕНИЯ ТРУДОВЫХ ОТНОШЕНИЙ****Журавлев Анатолий Геннадьевич**

магистрант

НОУ ВО «Московский финансово-промышленный университет Синергия»,

город Москва

Матыцын Артём Олегович

студент

ФГАОУ ВО «Самарский национальный исследовательский университет

имени академика С. П. Королева»,

город Самара

***Аннотация.** В статье исследуются ключевые проблемы, возникающие при установлении и прекращении трудовых отношений в современных социально-экономических условиях. Анализируются теоретические подходы к трансформации трудовых правоотношений, рассматриваются вопросы разграничения трудовых и гражданско-правовых отношений, изучаются особенности скрытых форм занятости и нетипичных трудовых отношений. Особое внимание уделяется проблемам правоприменительной практики при установлении факта трудовых отношений и их прекращении, а также вопросам обеспечения баланса интересов работников и работодателей в контексте цифровизации экономики и изменения парадигмы трудового права. Исследование базируется на анализе современных научных работ отечественных правоведов и выявляет основные тенденции развития законодательства в сфере труда.*

***Annotation.** The article examines the key issues that arise in establishing and terminating labor relations in contemporary social and economic circumstances.*

Theoretical approaches to transforming labor legal relationships are analyzed, issues of distinguishing between labor and civil law relationships are considered, and the characteristics of hidden employment forms and atypical work relationships are explored. Special emphasis is placed on the challenges of enforcing the law in establishing labor relationships and their termination as well as ensuring a balance between the interests of employees and employers in light of digitalization and the changing paradigm of employment law. The research is based on a review of contemporary scholarly works on domestic legal studies, identifying the primary trends in labor legislation development.

Ключевые слова: трудовые отношения, возникновение трудовых отношений, прекращение трудовых отношений, трудовой договор, скрытые трудовые отношения, нетипичная занятость, трансформация трудового права, баланс интересов, правовое регулирование труда

Keywords: labor relations, creation of labor relations, termination of labor relations, labor contract, hidden labor relations, atypical employment, transformation of labor law, balance of interests, legal regulation of labor

Введение

Современный этап развития российского общества характеризуется масштабными преобразованиями в сфере социально-трудовых отношений, что обусловлено как общемировыми тенденциями цифровизации и трансформации рынка труда, так и специфическими внутренними факторами экономического и правового характера. Вопросы возникновения и прекращения трудовых отношений, казалось бы, традиционные для науки трудового права, приобретают в этих условиях новое звучание и требуют переосмысления устоявшихся концептуальных подходов. Динамика правоотношений в сфере труда столь высока, что классические механизмы их регулирования нередко оказываются недостаточно эффективными, порождая многочисленные коллизии правоприменительной практики и споры между субъектами трудовых правоотношений. Актуальность исследования данной проблематики обусловлена целым комплексом факторов. С одной стороны, наблюдается интенсивное развитие нестандартных форм

занятости, распространение дистанционного труда и появление новых моделей организации трудовых процессов, что ставит под сомнение применимость традиционных критериев разграничения трудовых и гражданско-правовых отношений. С другой стороны, правоприменительная практика свидетельствует о росте случаев недобросовестного поведения работодателей, маскирующих трудовые отношения под гражданско-правовые с целью минимизации своих социальных обязательств и во избежание дополнительных расходов, связанных с защитой прав работников.

Теоретические основы трудовых правоотношений в условиях трансформации сферы труда

Процессы глобализации экономики и технологической революции неизбежно влекут за собой изменение самой природы труда и, следовательно, требуют пересмотра теоретических оснований регулирования трудовых отношений. Как справедливо отмечает С. Ю. Чуча, теория трудовых правоотношений нуждается в модернизации в условиях трансформации сферы труда, поскольку классическая модель, сформировавшаяся в индустриальную эпоху, во многом утрачивает свою объяснительную силу применительно к современным реалиям [21, с. 153]. Исследователь подчеркивает, что традиционное понимание трудового правоотношения как длящейся юридической связи работника и работодателя, основанной на личном выполнении трудовой функции за вознаграждение в условиях подчинения правилам внутреннего трудового распорядка, нуждается в существенной корректировке.

Вместе с тем, как показывает анализ научной литературы, среди правоведов отсутствует единство в понимании направлений и пределов такой модернизации. Э. Н. Бондаренко предлагает рассматривать трудовое отношение в перспективе постиндустриального общества, акцентируя внимание на необходимости учета новых форм организации труда, связанных с цифровизацией и автоматизацией производственных процессов [2, с. 175]. При этом автор справедливо указывает на возрастающее значение интеллектуального компонента трудовой деятельности и ослабление традиционных признаков подчиненности и контроля,

что порождает сложности в идентификации трудовых отношений.

Особенно острой представляется проблема разграничения трудовых и гражданско-правовых отношений в современных условиях. Ю. А. Михайленко и И. А. Прасолова, анализируя судебную практику по вопросам признания отношений трудовыми, обращают внимание на ключевое значение критериев юридической и экономической зависимости работника от работодателя [14, с. 9]. Однако авторы отмечают, что суды не всегда последовательны в применении этих критериев, что приводит к противоречивым решениям по аналогичным делам. Проблема усугубляется тем, что работодатели научились искусно маскировать трудовые отношения под гражданско-правовые, формально соблюдая требования законодательства, но фактически лишая работников социальных гарантий.

К. Л. Томашевский предлагает рассматривать трансформацию трудовых правоотношений через призму перехода от индустриального к постиндустриальному типу общественного устройства [19, с. 94]. Исследователь выделяет несколько ключевых тенденций: индивидуализацию трудовых отношений, усиление гибкости в организации труда, размывание границ между рабочим и нерабочим временем, возрастание роли интеллектуального труда. Эти изменения, по мнению автора, требуют не косметической корректировки действующего законодательства, а фундаментального пересмотра концептуальных основ правового регулирования труда.

Принципиально важным представляется вопрос о соотношении стабильности правового регулирования и необходимости его адаптации к меняющимся социально-экономическим условиям. С одной стороны, излишняя консервативность законодательства может привести к его отставанию от реальных общественных процессов и снижению эффективности правового воздействия. С другой стороны, чрезмерная динамичность нормативного регулирования порождает правовую неопределенность и затрудняет правоприменительную практику. Оптимальный баланс между этими крайностями до сих пор не найден, что подтверждается продолжающимися дискуссиями в научном сообществе.

Проблемы возникновения трудовых отношений: теория и практика

Возникновение трудовых отношений является ключевым моментом, определяющим весь комплекс прав и обязанностей сторон, объем социальных гарантий работника и меру ответственности работодателя. Традиционно считается, что трудовые отношения возникают на основании трудового договора, однако современная правоприменительная практика свидетельствует о значительно более сложной картине. Проблема установления факта трудовых отношений приобретает особую остроту в контексте распространения так называемых скрытых форм занятости, когда фактически трудовые отношения оформляются как гражданско-правовые.

Е. А. Волкова справедливо указывает на то, что проблема установления факта трудовых отношений имеет не только юридическое, но и социально-экономическое измерение [4, с. 1296]. Неправильная квалификация правоотношений между работником и работодателем влечет за собой существенное нарушение прав работника, лишая его гарантий, предусмотренных трудовым законодательством: оплачиваемого отпуска, больничных, защиты от необоснованного увольнения, права на безопасные условия труда. Более того, подобная практика наносит ущерб государству, лишая бюджетные и внебюджетные фонды значительных средств за счет неуплаты страховых взносов.

Скрытые трудовые отношения представляют собой особую форму правового феномена, требующую тщательного научного осмысления. М. М. Лазеева, анализируя проблемы правоприменения в этой сфере, отмечает, что работодатели используют разнообразные схемы для маскировки трудовых отношений: оформление работников как индивидуальных предпринимателей, заключение договоров гражданско-правового характера при наличии всех признаков трудовых отношений, привлечение работников через аутсорсинговые компании и кадровые агентства [11, с. 328]. Каждая из этих схем имеет свои особенности и требует специфического подхода при выявлении и доказывании факта трудовых отношений.

Особого внимания заслуживает вопрос о фактическом допущении к работе как основании возникновения трудовых отношений. Действующее

законодательство предусматривает возможность возникновения трудовых отношений не только на основании письменного трудового договора, но и в случае фактического допущения работника к выполнению трудовых обязанностей с ведома или по поручению работодателя или его представителя. Однако правоприменительная практика показывает, что реализация этой нормы сопряжена со значительными трудностями доказательственного характера. Работник должен подтвердить не только сам факт выполнения работы, но и наличие у лица, допустившего его к работе, соответствующих полномочий, что в условиях недобросовестного поведения работодателя представляется крайне затруднительным.

Я. Б. Гетман, исследуя вопрос о фактическом возникновении трудового правоотношения и его преюдициальном значении, подчеркивает важность четкого определения момента возникновения правоотношения, поскольку именно с этого момента на работодателя возлагаются определенные обязанности, а работник приобретает соответствующие права [6, с. 63]. Автор справедливо указывает на то, что неопределенность в этом вопросе порождает многочисленные конфликты и затрудняет защиту прав работников.

А. А. Звягинцева обращает внимание на проблему нетипичных трудовых отношений, которые характеризуются видоизменением классических признаков трудового правоотношения [7, с. 28]. К таким формам автор относит удаленную работу, заемный труд, работу по вызову, разделение рабочих мест между несколькими работниками. Эти формы занятости, становящиеся все более распространенными в условиях цифровой экономики, требуют специального правового регулирования, учитывающего их специфику, но вместе с тем обеспечивающего необходимый уровень защиты прав работников.

Существенной проблемой является также отсутствие единообразия в судебной практике по делам о признании отношений трудовыми. А. Ю. Лященко отмечает, что суды по-разному оценивают одни и те же обстоятельства, что приводит к принятию взаимоисключающих решений по аналогичным делам [13, с. 332]. Подобная ситуация не только нарушает принцип правовой определенности, но и подрывает доверие граждан к судебной системе, создавая ощущение

произвольности в принятии решений.

Критерии разграничения трудовых и гражданско-правовых отношений

Разграничение трудовых и гражданско-правовых отношений представляет собой одну из наиболее сложных проблем как в теории, так и в правоприменительной практике. Необходимость такого разграничения обусловлена существенными различиями в правовом статусе сторон, объеме их прав и обязанностей, уровне социальных гарантий и механизмах защиты прав. Однако в условиях трансформации сферы труда и появления новых форм занятости традиционные критерии разграничения нередко оказываются недостаточными или неприменимыми.

А.Е. Ступницкий и М. А. Костюченко, анализируя признаки трудовых отношений, выделяют следующие ключевые критерии: личный характер выполнения работы, подчинение работника правилам внутреннего трудового распорядка, систематический характер выплаты вознаграждения за труд, обеспечение работодателем условий труда, включение работника в производственную деятельность работодателя [18, с. 243]. Вместе с тем авторы отмечают, что на практике эти признаки не всегда проявляются в чистом виде, что затрудняет квалификацию правоотношений.

Особое значение в современных условиях приобретает критерий экономической зависимости работника от работодателя. Если при выполнении работы по гражданско-правовому договору исполнитель, как правило, несет предпринимательский риск и самостоятельно организует свою деятельность, то в трудовых отношениях работник экономически зависим от работодателя, не несет риска неполучения дохода и действует в рамках организационной структуры, созданной работодателем. Однако, как показывает практика, недобросовестные работодатели научились формально создавать видимость экономической независимости работника, навязывая ему гражданско-правовой договор, притом, что фактически сохраняются все признаки трудовых отношений.

Критерий подчиненности работника власти работодателя также

претерпевает существенную трансформацию в современных условиях. О. А. Курсова, исследуя эволюцию контроля как признака трудового отношения, отмечает, что традиционное понимание подчиненности, предполагающее непосредственный контроль работодателя за процессом выполнения работы, постепенно уступает место более гибким формам организации труда [10, с. 274]. В условиях дистанционной работы и проектных форм организации труда непосредственный контроль за работником становится затруднительным или вовсе невозможным, что, однако, не меняет природу правоотношения как трудового.

Л. А. Киселева, анализируя проблему разграничения трудовых и гражданско-правовых отношений в условиях нетипичной занятости в государствах-членах ЕАЭС, обращает внимание на необходимость учета международного опыта правового регулирования [8, с. 53]. Автор справедливо указывает, что во многих странах законодательство исходит из презумпции трудового характера отношений при наличии определенных признаков, что существенно облегчает положение работника при доказывании своих прав. В российском же законодательстве такая презумпция отсутствует, что создает дополнительные препятствия для защиты прав работников.

Существенное значение имеет также вопрос о соотношении формальных и фактических критериев при определении природы правоотношений. Судебная практика исходит из приоритета содержания над формой, признавая отношения трудовыми при наличии соответствующих признаков независимо от того, какой договор был формально заключен между сторонами. Однако реализация этого принципа на практике сталкивается с серьезными трудностями доказательственного характера, поскольку работнику необходимо подтвердить наличие всех признаков трудовых отношений, что в условиях противодействия со стороны работодателя представляется крайне сложной задачей.

Баланс интересов сторон

Одной из фундаментальных проблем правового регулирования возникновения и прекращения трудовых отношений является обеспечение справедливого баланса интересов работника и работодателя. Л. А. Ломакина справедливо

отмечает, что достижение такого баланса представляет собой сложную задачу, требующую учета многочисленных факторов экономического, социального и правового характера [12, с. 104]. С одной стороны, трудовое законодательство должно обеспечивать надежную защиту прав работников как более слабой стороны трудовых отношений. С другой стороны, чрезмерная зарегулированность и установление избыточных обязанностей для работодателя могут привести к снижению экономической эффективности предприятий и, как следствие, к сокращению рабочих мест.

Проблема баланса интересов особенно остро проявляется при регулировании оснований и порядка прекращения трудовых отношений. Работник заинтересован в максимальной стабильности своего правового положения и защите от необоснованного увольнения, в то время как работодатель нуждается в возможности оперативно реагировать на изменения экономической конъюнктуры и освободиться от недобросовестных или неэффективных работников. Действующее законодательство пытается найти компромисс между этими противоположными интересами, однако, как показывает практика, не всегда успешно.

Г. В. Хныкин, анализируя правовые проблемы согласования интересов сторон трудовых отношений, обращает внимание на необходимость развития механизмов социального партнерства и коллективно-договорного регулирования [20, с. 25]. Автор справедливо указывает, что жесткое централизованное регулирование не всегда эффективно в условиях многообразия форм организации труда и специфики различных отраслей экономики. Предоставление большей свободы сторонам в определении условий труда при сохранении государственных гарантий минимального уровня прав работников могло бы способствовать достижению более справедливого баланса интересов.

Вместе с тем необходимо учитывать, что в современных российских условиях возможности работников по отстаиванию своих интересов через механизмы коллективно-договорного регулирования существенно ограничены. Слабость профсоюзного движения, низкий уровень правовой культуры и правосознания работников, экономическая зависимость от работодателя – все эти факторы

препятствуют реализации принципа социального партнерства и делают работников крайне уязвимыми перед недобросовестными действиями работодателей.

Перспективы развития законодательства о труде

Современное состояние трудового законодательства России характеризуется наличием многочисленных проблем и противоречий, требующих скорейшего разрешения. Ю. В. Васильева и М. А. Драчук, анализируя отношения, входящие в предмет трудового права, отмечают необходимость существенного обновления законодательства с учетом изменившихся социально-экономических реалий [3, с. 625]. Авторы справедливо указывают, что действующий Трудовой кодекс РФ, принятый в 2001 году, во многом устарел и не отражает современных тенденций развития сферы труда.

А. М. Куренной обращает внимание на преемственность и развитие трудового законодательства в XXI веке, подчеркивая, что любые изменения должны основываться на фундаментальных принципах трудового права и не должны приводить к снижению уровня гарантий работников [9, с. 2]. Вместе с тем автор признает необходимость модернизации законодательства для обеспечения адекватного регулирования новых форм занятости и учета интересов современных работодателей.

Одним из ключевых направлений совершенствования законодательства должно стать установление четких критериев разграничения трудовых и гражданско-правовых отношений и введение презумпции трудового характера отношений при наличии определенных признаков. Такой подход, уже реализованный в законодательстве многих зарубежных стран, позволил бы существенно облегчить положение работников при доказывании своих прав и снизить количество злоупотреблений со стороны работодателей.

Требует совершенствования и правовое регулирование нетипичных форм занятости. Как отмечают М. Л. Гайнулин и Д. А. Неганов, понятие и виды нетипичных трудовых отношений нуждаются в законодательном закреплении, а специфика таких отношений должна найти отражение в соответствующих нормах Трудового кодекса [5, с. 30]. Особенно актуальным это представляется в

отношении дистанционной работы, распространение которой значительно ускорилось в последние годы.

А. А. Бережнов справедливо указывает на необходимость обеспечения баланса интересов сторон трудовых отношений и государства при дифференциации трудового законодательства [1, с. 6]. Установление особых правил для отдельных категорий работников должно быть объективно обусловлено спецификой их труда и не должно приводить к необоснованному ущемлению прав работников или созданию чрезмерных преимуществ для работодателей.

Заключение

Проведенное исследование позволяет сделать вывод о том, что проблемы возникновения и прекращения трудовых отношений в современных условиях приобретают особую актуальность и сложность. Трансформация сферы труда под воздействием технологических изменений и глобализации экономики приводит к появлению новых форм занятости и размыванию традиционных признаков трудовых отношений, что затрудняет их идентификацию и правовое регулирование.

Ключевой проблемой остается распространение скрытых форм трудовых отношений, когда работодатели сознательно избегают оформления трудовых договоров, маскируя трудовые отношения под гражданско-правовые. Это влечет за собой массовые нарушения трудовых прав работников и требует активного противодействия как со стороны государства, так и со стороны судебной системы. Существующие критерии разграничения трудовых и гражданско-правовых отношений нуждаются в уточнении и конкретизации с учетом современных реалий. Особое внимание должно быть уделено разработке правовых механизмов, облегчающих работнику доказывание факта трудовых отношений, включая возможное введение презумпции трудового характера отношений при наличии определенных признаков.

Обеспечение справедливого баланса интересов работников и работодателей остается одной из центральных задач правового регулирования трудовых отношений. Этот баланс должен учитывать как необходимость защиты прав

работников как более слабой стороны, так и законные интересы работодателей в эффективной организации труда и управлении персоналом.

Действующее трудовое законодательство нуждается в существенной модернизации с учетом изменившихся социально-экономических условий. Необходимо законодательное закрепление новых форм занятости, уточнение оснований возникновения и прекращения трудовых отношений, совершенствование процедур разрешения трудовых споров. При этом любые изменения законодательства должны быть направлены на усиление защиты прав работников и не должны приводить к снижению уровня социальных гарантий.

Судебная практика должна играть более активную роль в формировании единообразных подходов к разрешению трудовых споров, особенно в части установления факта трудовых отношений и признания увольнений незаконными. Необходима дальнейшая конкретизация критериев оценки доказательств и выработка четких правовых позиций по наиболее спорным вопросам применения трудового законодательства.

Перспективы развития правового регулирования возникновения и прекращения трудовых отношений связаны с дальнейшей гармонизацией российского законодательства с международными стандартами в сфере труда, учетом передового зарубежного опыта и развитием механизмов социального партнерства. Только комплексный подход, сочетающий совершенствование законодательства, развитие судебной практики и повышение правовой культуры участников трудовых отношений, позволит эффективно решить существующие проблемы и обеспечить надежную защиту трудовых прав граждан.

Список литературы

1. Бережнов А. А. Дифференциация трудового законодательства и баланс интересов сторон трудовых отношений, государства / Трудовое право в России и за рубежом. 2025. № 2. С. 6-8.
2. Бондаренко Э. Н. Трудовое отношение: перспектива в праве постиндустриального общества / Ежегодник трудового права. 2024. № 14. С. 175-186.
3. Васильева Ю. В., Драчук М. А. Отношения, входящие в предмет

трудового права: современное состояние и необходимость изменений / Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2024. № 4 (66). С. 625-644.

4. Волкова Е. А. Проблема установления факта трудовых отношений / Право и правосудие в современном мире. Сборник научных статей молодых исследователей XI Всероссийской студенческой научно-практической конференции студентов, магистрантов и соискателей (к 25-летию Российского государственного университета правосудия и 20-летию Северо-Западного филиала Российского государственного университета правосудия). Санкт-Петербург, 2023. С. 1296-1299.

5. Гайнулин М. Л., Неганов Д. А. Понятие и виды нетипичных трудовых отношений / Юридические и психолого-педагогические механизмы профилактики правонарушений несовершеннолетних: история и современность. Материалы Всероссийской научно-практической школы-конференции. Казань, 2025. С. 30-36.

6. Гетман Я. Б. Фактическое возникновение трудового правоотношения и его преюдициальное значение / Форум цивилистов. Материалы VIII Международной научно-практической конференции. Ростов-на-Дону, 2025. С. 63-68.

7. Звягинцева А. А. Нетипичные трудовые отношения: видоизменение классических признаков и их регулирование / LawAfterknown: право за гранью обыденного. Материалы II Международного молодежного юридического форума. Тюмень, 2023. С. 28-33.

8. Киселева Л. А. Разграничение трудовых и гражданско-правовых отношений в условиях нетипичной занятости в государствах - членах ЕАЭС / Трудовое и социальное право. 2024. № 1 (49). С. 53-58.

9. Куренной А. М. Трудовое законодательство в XXI веке: преемственность и развитие / Трудовое право в России и за рубежом. 2025. № 1. С. 2-5.

10. Курсова О. А. Контроль как признак трудового отношения: генезис и трансформация / Вопросы трудового права. 2021. № 4. С. 274-278.

11. Лазеева М. М. Скрытые трудовые отношения: проблемы правоприменения / Современные тенденции развития гражданского и гражданского

процессуального законодательства и практики его применения. 2022. № 8. С. 328-334.

12. Ломакина Л. А. Баланс интересов в трудовых отношениях / Журнал российского права. 2021. Т. 25. № 6. С. 104-116.

13. Лященко А. Ю. Скрытые трудовые правоотношения: вопросы теории и судебной практики / Вопросы российской юстиции. 2025. № 35. С. 332-343.

14. Михайленко Ю. А., Прасолова И. А. Оценка судами юридической и экономической зависимости при признании отношений трудовыми / Арбитражный и гражданский процесс. 2024. № 2. С. 9-13.

15. Постная Е. Н. Признаки трудовых правоотношений: проблемы теории и практики / Право и суд в современном мире. Сборник статей XXIII ежегодной студенческой научно-практической конференции с международным участием. Москва, 2025. С. 227-232.

16. Пурыгина М. А. Историко-правовой анализ прекращения трудового договора по инициативе работодателя / Общество и государство. 2022. № 4 (40). С. 14-17.

17. Созанова М. В., Феськова О. Ю. Эффективное установление судьями скрытых трудовых правоотношений в России с позиций интегративного право-понимания / Российское правосудие. 2021. № 6. С. 10-15.

18. Ступницкий А.Е., Костюченко М. А. Признаки трудовых отношений: особенности применения для отграничения от гражданско-правовых отношений / Евразийский юридический журнал. 2023. № 6 (181). С. 243-248.

19. Томашевский К. Л. Трансформация трудовых правоотношений (от индустриального к постиндустриальному типу) / Журнал российского права. 2025. Т. 29. № 2. С. 94-109.

20. Хныкин Г. В. Правовые проблемы согласования интересов сторон трудовых отношений / Законодательство. 2023. № 5. С. 25-30.

21. Чуча С. Ю. Теория трудовых правоотношений в условиях трансформации сферы труда: обозначение проблемы / Государство и право. 2023. № 3. С. 153-157.

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ НАУКИ

УДК 332.1

ЭВОЛЮЦИЯ ПРОЦЕССНОГО ПОДХОДА ЗАКУПОЧНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПРОМЫШЛЕННЫХ ПРЕДПРИЯТИЙ

Алферова Валерия Михайловна

соискатель

ФГБОУ ВО «Байкальский государственный университет»,

город Иркутск

***Аннотация.** В статье изучен процессно-ориентированный подход в методологии управления, в частности рассмотрена эволюция процессного подхода закупочной деятельности промышленных предприятий. Определены ключевые аспекты процессного управления в системе материально-технического обеспечения.*

The article examines the process-oriented approach in the management methodology, in particular, the evolution of the process approach to the procurement of industrial enterprises. Key aspects of process management in the logistics system have been identified.

***Ключевые слова:** процессный подход, эволюция процессного подхода, материально-техническое обеспечение, бизнес-процесс, трансформация бизнес-процессов закупки*

***Keywords:** process approach, evolution of process approach, logistics, business process, transformation of procurement business processes*

Процессно-ориентированный подход занимает ключевую позицию среди актуальных управленческих методологий. Основы концепции были заложены европейскими исследователями в конце XX столетия. Изначально она формировалась как альтернатива функциональным моделям управления. В настоящее

время данный подход широко применяется в системах корпоративного управления развитых экономик.

На этой основе возникли и получили развитие ключевые управленческие инструменты. К ним относятся всеобщее управление качеством, сравнительный анализ конкурентных преимуществ и реинжиниринг бизнес-процессов. В эту же концепцию вписывается сбалансированная система показателей, связывающая стратегию с операционной деятельностью. Процессное мышление также лежит в основе методик Six Sigma и бережливого производства, ориентированных на снижение вариабельности, потерь и избыточных операций.

Среди отечественных и зарубежных ученых теоретическими аспектами и вопросами внедрения процессного управления занимались такие авторы как: В. В. Репин, В. Г. Елиферов, Г. Н. Калянов, В. В. Кондратьев, С. В. Рубцов, М. Портер, Э. Деминг, М. Хаммер, Д. Чампи и др.

В текущей экономической среде для промышленных организаций возрастает роль перехода от функциональной системы управления к процессной модели. Такой сдвиг меняет логику координации работ и распределения ответственности. Управление начинает строиться вокруг потоков создания результата, а не отдельных подразделений.

Процессный подход формирует целостное информационное представление деятельности предприятия. Он предполагает четкое описание процессов, их этапов и взаимных связей [1]. В модель включаются источники ресурсов, механизмы преобразования и конечные потребители результатов. Дополнительно фиксируются точки контроля и показатели эффективности.

В результате каждый бизнес-процесс рассматривается как упорядоченная система взаимозависимых действий. Эти действия выполняются различными функциональными единицами, но объединены общей логикой и единой целью. Такая структура обеспечивает согласованность операций и повышает управляемость достижения стратегических и операционных результатов [4].

Процессная модель приобретает ключевое значение для владельца процесса. Она также используется высшим руководством при выработке

стратегических и оперативных управленческих решений. Данные встраиваются в единую систему управления предприятием и повышают обоснованность выбора управленческих воздействий.

Внедрение процессного управления усиливает адаптивный потенциал организации. Структура становится более подвижной и менее зависимой от жестких иерархий [2]. Предприятие быстрее реагирует на изменения спроса, технологий и регуляторных условий. Это имеет особую значимость для промышленного сектора, функционирующего в среде высокой конкуренции и постоянной рыночной нестабильности.

В деятельности современных компаний быстро возрастает значение цифровых и автоматизированных решений. Операционные процессы все чаще опираются на специализированные информационные системы. К ним относятся ERP-платформы, BPM-системы и программные продукты для управления проектами.

Наибольший эффект такие инструменты дают в условиях процессно-ориентированной структуры управления. Именно она обеспечивает прозрачность потоков работ и корректную интеграцию данных. При отсутствии предварительного перехода к процессным принципам управления возможности цифровых решений используются лишь частично [3]. Это ограничение становится особенно чувствительным в период масштабной цифровой трансформации бизнеса, когда требования к скорости, точности и согласованности управленческих решений существенно возрастают.

Динамику становления процессного подхода целесообразно проанализировать на примере закупочной деятельности промышленных предприятий. На ранних этапах элементы процессного управления применялись фрагментарно. Как правило, они затрагивали отдельные подпроцессы и решали локальные задачи.

Под воздействием внешней среды и роста неопределенности возникла потребность в более согласованном управлении. Усилилась необходимость синхронизации работы всех бизнес-юнитов. В результате процессный подход был

распространен на всю систему материально-технического обеспечения, а затем и на деятельность предприятия в целом.

Ключевым условием такого перехода стала комплексная регламентация бизнес-процессов. Она обеспечила единые правила, прозрачность операций и сопоставимость результатов. Этапы трансформации бизнес-процессов закупочной функции обобщены и систематизированы в таблице 1.

Таблица 1 - Эволюция процессного подхода закупочной деятельности промышленных предприятий

№ п/п	Стадия	Характеристика
1	Локальное процессное управление	Ограниченное число локальных процессов. Они охватывали деятельность одного или двух подразделений. Процессы описывались как линейные цепочки операций. Основной задачей выступал анализ текущего состояния и подготовка отдельных рекомендаций по оптимизации. Стратегический контекст при этом не учитывался. Управленческие решения носили фрагментарный характер. Реакция осуществлялась на отдельные, разрозненные бизнес-запросы без увязки с долгосрочными целями развития предприятия.
2	«Лоскутное» процессное управление	Выделение отдельных ключевых бизнес-процессов и связанных с ними процедур. Их формализация использовалась как инструмент унификации выполнения работ. Параллельно осуществлялся поиск возможностей для сокращения издержек и упрощения операций. При этом взаимодействие между функциональными подразделениями оставалось ограниченным. Процессы рассматривались преимущественно в рамках отдельных функций. Сквозная координация и обмен информацией были развиты слабо, что снижало общий эффект от предпринимаемых изменений.
3	Моделирование процессного управления	Формализации подвергалась основная часть ключевых бизнес-процессов предприятия. Их описание использовалось для глубокого анализа и целенаправленной оптимизации. Существенное внимание уделялось унификации операций и подготовке процессов к последующей автоматизации. Работа строилась на принципах постоянного взаимодействия. Обеспечивался регулярный обмен информацией как внутри подразделений, так и между ними. Процессы приобретали сквозной характер, что повышало согласованность действий и устойчивость операционной системы в целом.
4	Интегративное процессное управление	Полное описание и регламентация деятельности предприятия. Были охвачены все сквозные процессы,

		<p>проходящие через различные структурные подразделения. Особое значение придавалось налаживанию кросс-функционального взаимодействия на уровне «Заказчик–Исполнитель».</p> <p>Структурные подразделения работали согласованно и устойчиво. Обеспечивался двусторонний обмен информацией со всеми ключевыми участниками процессов. Частично или полностью интегрировались совместные операции, что позволяло повышать прозрачность и эффективность выполнения сквозных бизнес-процессов.</p>
--	--	--

Составлено автором.

Эволюция процессного управления показывает его постоянное развитие и адаптацию к изменяющимся экономическим условиям. Сначала управление носило локальный характер и охватывало отдельные операции. Постепенно происходил переход к более глубокой интеграции смежных процессов и кросс-функциональному взаимодействию.

Развитие закупочной функции иллюстрирует эти тенденции. Она отражает глобальные изменения в бизнес-среде и экономике в целом. Усиление согласованности процессов и интеграция подразделений повышают эффективность и устойчивость деятельности. Это подчеркивает значимость процессного подхода для современных предприятий.

Идентификация и анализ бизнес-процессов создают значительные возможности для повышения эффективности [5]. В процессно-ориентированном управлении сам процесс выступает инструментом контроля качества каждой операции, ориентированной на потребителя.

Главное преимущество такого подхода заключается в упрощении оптимизации не только процесса, но и используемых ресурсов. Это касается человеческих, материальных и информационных ресурсов. Процессная структура повышает их координацию, организованность и согласованность, что способствует более слаженной работе и достижению целей предприятия.

Мы выделили несколько ключевых аспектов процессного управления в системе материально-технического обеспечения:

1. Фокус на процессах: материально-техническое обеспечение рассматривается как совокупность взаимосвязанных подпроцессов, а не

отдельных операций. Такой подход позволяет видеть полную сквозную картину работы функционального направления.

2. Интеграция с внутренними и внешними процессами: предусматривается активное взаимодействие с кросс-функциональными подразделениями. Совместная работа охватывает закупки, производство, логистику, финансы, маркетинг и другие подразделения.

3. Ориентация на внутреннего заказчика: каждый подпроцесс направлен на удовлетворение потребностей конечного потребителя. Это снижает риск ситуации, когда отдельные подразделения работают эффективно, но результат не отвечает ожиданиям заказчика.

4. Оптимизация ресурсов: процессный подход выявляет «узкие» места, позволяет рационально распределять ресурсы, исключать лишние шаги и транзакции. Особое внимание уделяется человеческим ресурсам, повышается их организация, синхронизация и согласованность работы.

5. Непрерывное улучшение: процессы легко анализировать, измерять и совершенствовать. Это создает базу для постоянного роста качества и эффективности.

6. Прозрачность и управляемость: четкая регламентация процессов повышает прозрачность и управляемость бизнеса. Легче выявлять узкие места и находить возможности для улучшения.

Рост значимости процессного управления объясняется необходимостью повышать операционную эффективность и применять экономически оправданные методы для удовлетворения требований всех участников процесса. Такой подход позволяет предприятиям оптимизировать деятельность, сохраняя баланс между результативностью и рациональным использованием ресурсов.

Создание процессной модели выступает базовым инструментом для контроля и анализа. Она помогает выявлять проблемные участки и отклонения от стандартов. Это даёт возможность вовремя разрабатывать и внедрять корректирующие и профилактические меры для улучшения процессов и повышения их качества.

Список литературы

1. Баурина, С. Б. Процессное управление в системе менеджмента качества предприятия / С. Б. Баурина. – Москва : Общество с ограниченной ответственностью "Русайнс", 2024. – 104 с. – ISBN 978-5-466-07089-7. – EDN PSRTNS.

2. Булгаков С.А. Методика разработки информационной модели внутреннего контроля бизнес-процесса «закупки» с использованием цифровых технологий на базе риск-ориентированного подхода / С. А. Булгаков / Вестник Алтайской академии экономики и права. – 2021. – № 9-1. – С. 28-36. – DOI 10.17513/vaael.1835. – EDN WZJGJH.

3. Великосельский А.В. Внедрение системы управления угольной компанией на основе процессно-проектного подхода / А. В. Великосельский / Горный информационно-аналитический бюллетень (научно-технический журнал). – 2015. – № S1-2. – С. 172-180. – EDN VUASCD.

4. Вечкинзова Е. А. Модель бизнес-процессов организации закупок товарно-материальных ценностей горнорудной компании / Е. А. Вечкинзова / Экономика Центральной Азии. – 2020. – Т. 4, № 2. – С. 143-162. – DOI 10.18334/asia.2.4.100602. – EDN DSFRFE.

5. Наугольнова, И. А. Проектно-процессное управление как фактор устойчивого развития предприятий в эпоху цифровой экономики / И. А. Наугольнова / Информатизация в цифровой экономике. – 2023. – Т. 4, № 3. – С. 265-278. – DOI 10.18334/ide.4.3.119237. – EDN JDPVVG.

6. Озумбеков У. Д. Основные аспекты стратегического развития закупочной деятельности / У. Д. Озумбеков / Журнал монетарной экономики и менеджмента. – 2023. – № 4. – С. 215-221. – DOI 10.26118/2782-4586.2023.30.12.032. – EDN UGJTBB.

ФИЗИКО-МАТЕМАТИЧЕСКИЕ НАУКИ

УДК 53

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ СОВРЕМЕННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ НА УРОКАХ ФИЗИКИ В 8 КЛАССЕ: ПРАКТИКО-ОРИЕНТИРОВАННЫЙ ПОДХОД

Боргоякова Инна Анатольевна

учитель математики и физики

МБОУ Кызласовская СОШ им. Р. А. Кызласова,

село Кызлас, Республика Хакасия

***Аннотация.** В статье представлен практический опыт использования современных образовательных технологий на уроках физики в 8 классе численностью 20 человек. Рассматриваются конкретные формы организации учебной деятельности, методы работы с цифровыми и интерактивными средствами, а также их влияние на учебные результаты и активность обучающихся. Приведён анализ динамики показателей учебной деятельности на основе результатов контрольных и практических работ.*

The article presents practical experience in using modern educational technologies in physics lessons in the 8th grade with a class of 20 students. The forms of organizing learning activities with the use of digital and interactive tools are considered, as well as their influence on students' academic performance and learning activity. An analysis of the dynamics of learning outcomes is provided.

***Ключевые слова:** физика, практико-ориентированное обучение, цифровые технологии, виртуальный эксперимент, учебная активность*

***Keywords:** physics, practice-oriented learning, digital technologies, virtual experiment, learning activity*

Современное преподавание физики требует смещения акцента от преимущественно объяснительно-иллюстративного подхода к практико-

ориентированному обучению, в рамках которого обучающиеся не только воспринимают готовую информацию, но и активно участвуют в её получении и осмыслении [1, с. 45]. В 8 классе, когда формируется базовое понимание физических явлений, особенно важно организовать учебный процесс таким образом, чтобы теоретические знания опирались на эксперимент, наблюдение и самостоятельную деятельность [3, с. 178].

Использование современных технологий позволяет расширить возможности школьного кабинета физики и приблизить обучение к реальной исследовательской практике [2, с. 113]. Цель данной работы заключается в обобщении практического опыта применения цифровых и интерактивных средств на уроках физики в 8 классе и оценке их влияния на учебные результаты обучающихся.

Работа проводилась в 8 классе численностью 20 человек в течение одного учебного полугодия при изучении разделов «Тепловые явления» и «Электрические явления». Основное внимание уделялось включению обучающихся в активную практическую деятельность.

На уроках систематически применялись виртуальные лабораторные работы, позволяющие моделировать теплопередачу, изменение внутренней энергии и процессы в электрических цепях [4, с. 98]. Данные задания использовались как на этапе объяснения нового материала, так и при закреплении, что обеспечивало наглядность и возможность многократного воспроизведения эксперимента.

Цифровые датчики температуры и напряжения применялись при проведении фронтальных и групповых лабораторных работ. Полученные результаты фиксировались обучающимися в электронных таблицах, после чего проводился анализ зависимостей и обсуждение возможных источников погрешностей. Такой подход способствовал формированию умений работать с экспериментальными данными и делать обоснованные выводы [3, с. 180].

Для оперативного контроля понимания материала использовались интерактивные опросы и тестовые задания с автоматической проверкой. Это позволяло выявлять типичные затруднения и своевременно корректировать ход урока. В домашних заданиях элементы онлайн-платформ сочетались с традиционными

задачами расчетного характера.

Для оценки эффективности применяемых технологий были выбраны следующие показатели: средний балл по контрольным работам, процент успешного выполнения практических заданий, уровень учебной активности и мотивации обучающихся. Диагностика проводилась в начале и в конце полугодия (таблица 1).

Таблица 1 - Изменение показателей учебной деятельности обучающихся (n = 20)

Показатель	Начало полугодия	Конец полугодия	Прирост
Средний балл по контрольным работам	3,5	4,2	+0,7
Успешное выполнение лабораторных работ, %	68	88	+20
Учебная активность на уроке (балл)	3,2	4,1	+0,9
Уровень учебной мотивации (балл)	3,0	3,9	+0,9

Рост среднего балла по контрольным работам на 0,7 свидетельствует об улучшении понимания теоретического материала. Существенное увеличение процента успешного выполнения лабораторных работ указывает на формирование практических умений и повышение уверенности обучающихся при выполнении экспериментальных заданий.

Наблюдения за учебной деятельностью показали, что использование цифровых средств способствует более активному включению обучающихся в обсуждение результатов эксперимента, формированию навыков аргументации и совместной работы.

Наибольшую эффективность показали задания, предполагающие сочетание виртуального и реального эксперимента. Например, при изучении закона Джоуля–Ленца обучающиеся сначала исследовали зависимость количества теплоты от силы тока в виртуальной среде, после чего выполняли лабораторную работу с использованием реальных приборов. Такое сочетание позволило снизить количество ошибок при сборке схем и повысить точность измерений.

Практика показала, что технологии особенно полезны при организации дифференцированной работы. Обучающиеся с высоким уровнем подготовки

выполняли дополнительные исследовательские задания, тогда как учащиеся, испытывающие затруднения, получали возможность повторного выполнения эксперимента в виртуальной среде.

Практико-ориентированное использование современных технологий на уроках физики в 8 классе способствует формированию устойчивых экспериментальных умений, повышению учебной активности и улучшению качества усвоения материала. Полученные результаты подтверждают, что цифровые и интерактивные средства являются эффективным инструментом при условии их методически обоснованного применения.

Перспективы дальнейшей работы связаны с расширением набора цифровых лабораторий, разработкой авторских практических заданий и внедрением элементов проектной деятельности в учебный процесс.

Список литературы

1. Асмолов А. Г. Как проектировать универсальные учебные действия в основной школе. — М.: Просвещение, 2014. — 151 с.
2. Босова Л. Л., Босова А. Ю. Информационные и коммуникационные технологии в образовании. — М.: БИНОМ, 2015. — 256 с.
3. Кабанов С. И. Методика преподавания физики в основной школе. — М.: Академия, 2016. — 304 с.
4. Полат Е. С. Современные педагогические и информационные технологии в системе образования. — М.: Академия, 2018. — 368 с.

ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

УДК 371.4

ФУНДАМЕНТ БУДУЩЕГО ОБЩЕНИЯ: КАКИЕ ПРЕДПОСЫЛКИ ЗАКЛАДЫВАЮТ ОСНОВУ ДЛЯ СВЯЗНОЙ РЕЧИ У МЛАДШИХ ДОШКОЛЬНИКОВ

Осетрова Ирина Васильевна

воспитатель

МДОУ «Детский сад № 16»,

с. Весёлая Лопань, Белгородского муниципального округа,

Белгородской области

***Аннотация.** Статья посвящена ключевым условиям (предпосылкам), необходимым для формирования у детей 3-4 лет умения строить развернутые и логичные высказывания. Автор подробно рассматривает четыре основные группы этих предпосылок: базовые речевые навыки (словарный запас и грамматика), когнитивное развитие (мышление, память, внимание), коммуникативную мотивацию и физиологическую готовность речевого аппарата. Материал подчеркивает, что связная речь — это сложный навык, который вырастает на фундаменте взаимосвязанных процессов в развитии ребенка. В заключительной части даются практические рекомендации для родителей и педагогов по укреплению каждой из описанных предпосылок через повседневное общение, игру и специальные упражнения. Статья носит научно-популярный характер и будет полезна как специалистам, так и родителям, заинтересованным в гармоничном речевом развитии своих детей.*

The article is devoted to the key conditions (prerequisites) necessary for the formation of children aged 3-4 years of the ability to build detailed and logical statements. The author examines in detail four main groups of these prerequisites: basic speech

skills (vocabulary and grammar), cognitive development (thinking, memory, attention), communicative motivation and physiological readiness of the speech apparatus. The material emphasizes that coherent speech is a complex skill that grows on the foundation of interrelated processes in a child's development. The final part provides practical recommendations for parents and educators to strengthen each of the described prerequisites through daily communication, play, and special exercises. The article is of a popular scientific nature and will be useful to both specialists and parents interested in the harmonious speech development of their children.

Ключевые слова: *связная речь, младший дошкольный возраст, речевое развитие*

Keywords: *coherent speech, younger preschool age, speech development*

Умение ребенка красиво и логично рассказывать историю, пересказывать мультфильм или просто понятно объяснить, что случилось в садике, — это вершина речевого развития. Но, как и любая вершина, она требует прочного фундамента. Этот фундамент закладывается именно в младшем дошкольном возрасте (3-4 года) в виде целого комплекса предпосылок — условий, без которых полноценная связная речь невозможна [1,2].

Связная речь — это не просто набор слов. Это развернутое, логичное, последовательное и самостоятельное высказывание. Чтобы оно появилось, в психике и речевом аппарате ребенка должны созреть определенные «кирпичики». Давайте рассмотрим самые важные из них.

1. Базовый «строительный материал»: словарь и грамматика

Прежде чем строить предложения, нужны «стройматериалы» — слова и правила их соединения.

Пассивный и активный словарь. К 3 годам у ребенка в арсенале уже около 1000-1500 слов. Он не только понимает обращенную речь (пассивный запас), но и активно использует слова, обозначая предметы, действия, качества (горячий, большой). Расширение словаря — первая и ключевая предпосылка [3].

Освоение грамматических конструкций. Ребенок начинает улавливать законы языка: согласовывать слова в роде, числе и падеже («красная машина»,

«играют дети»), использовать предлоги (в, на, под), строить не только простые, но и сложные предложения с союзами «потому что», «когда».

2. «Архитектор» высказывания: когнитивное развитие

Речь — это отражение мышления. Чтобы речь стала связной, должны созреть психические процессы.

Развитие мышления и памяти. Ребенок учится устанавливать причинно-следственные связи («мяч укатился, потому что его толкнули»), обобщать («яблоко, груша — это фрукты»). Без этого рассказ превратится в бессвязный перечень событий. Память позволяет удерживать в голове сюжет короткой сказки или последовательность действий.

Внимание и восприятие. Умение сосредоточиться на истории, картине или объяснении взрослого, выделить главное — необходимая база для последующего пересказа или описания.

3. «Мотивационный двигатель»: потребность в общении

Даже при богатом словаре и развитом мышлении, если ребенок не хочет говорить, связная речь не разовьется. Ключевую роль играет коммуникативная потребность.

Переход от ситуативно-делового общения (когда речь сопровождает игру или действие) к внеситуативно-познавательному. Ребенок начинает задавать бесконечные вопросы «почему?», «как?», «зачем?». Это и есть попытка выстроить диалог, получить развернутую информацию, что стимулирует и его собственные сложные ответы [4].

Социальная среда. Общение со взрослым как с интересным собеседником, а не просто помощником, и со сверстниками, с которыми нужно договариваться, — лучший тренажер для связной речи.

4. «Техническое оснащение»: развитие речевого аппарата и фонематического слуха

Чтобы высказывание было понятным, нужны четкое звукопроизношение и умение различать звуки на слух.

Фонематический слух. Способность слышать и различать звуки родного

языка (например, отличать «с» от «ш»). Это основа не только для правильного произношения, но и для будущего грамотного письма.

Артикуляционная моторика. Гибкость и точность движений языка, губ, щек. К 4 годам многие сложные звуки ([с], [з], [ц], [ш], [ж], [ч], [щ], [л], [р]) могут еще отсутствовать или заменяться более простыми, но артикуляционный аппарат активно готовится к их освоению.

Как родители и педагоги могут укреплять эти предпосылки? Практические советы:

Обогащайте словарь постоянно: комментируйте свои действия, опишите предметы детально (не просто «машина», а «красная гоночная машина с белой полосой»), читайте книги и обсуждайте картинки.

Развивайте диалог: задавайте не вопросы, на которые можно ответить «да/нет», а открытые: «Как ты думаешь, почему зайчик убежал?», «Что было потом?». Внимательно слушайте ответы.

Играйте в речевые игры:

«Что бывает?» (Круглое — мяч, яблоко, солнце).

«Закончи предложение» (Мы взяли зонт, потому что...).

«Расскажи про игрушку» (По плану: как называется? Какого цвета, размера? Что с ней можно делать?).

Упражняйте артикуляцию: в игровой форме делайте «гримасы» перед зеркалом (улыбка-хоботок, «почистите» язычком зубки), дуйте на вертушки, надуйте щеки.

Поощряйте пересказ: после прочтения простой сказки («Курочка Ряба», «Репка») спросите: «О ком эта сказка? Что случилось в начале? А что потом?». Помогайте наводящими вопросами.

Заключение. Развитие связной речи у ребенка 3-4 лет — это не самоцель, а естественный процесс, который бережно поддерживается взрослыми. Уделяя внимание не только количеству слов, но и всем перечисленным предпосылкам — когнитивным, социальным, мотивационным, — мы помогаем малышу построить прочный мост от отдельных фраз к удивительному миру полноценного,

живого и логичного общения. Этот мост станет основой его будущих успехов и в школе, и в жизни.

Список литературы

1. Лепская, Н. И. Речевое развитие ребенка: монография / Н. И. Лепская. — М.: Институт Психотерапии и Клинической Психологии, 20XX. — 140 с. [Электронный ресурс].
2. Сластья, Л. Н. Формирование связной речи детей 4-5 лет. Планирование, конспекты занятий, лексический материал. ФГОС: пособие для педагогов / Л. Н. Сластья. — Изд. 3-е, перераб. — Волгоград: Учитель, 2016. — 232 с.
3. Новик, А. А. 57 упражнений для запуска речи у малышей: метод. рекомендации / А. А. Новик. — 2024. — 1 электрон. опт. диск (CD-ROM).
4. Тимофеева, С. А. Как научить ребёнка мыслить логически: для детей 4–6 лет: учеб.-метод. пособие / С. А. Тимофеева, С. А. Игнатова, А. А. Шевченко. — М.: Эксмо, 2019

УДК 376.42

**ОСОБЕННОСТИ ПОСТРОЕНИЯ ЛОГОПЕДИЧЕСКОЙ РАБОТЫ
ПО КОРРЕКЦИИ ДИСГРАФИИ У ОБУЧАЮЩИХСЯ
НАЧАЛЬНЫХ КЛАССОВ СПЕЦИАЛЬНОЙ ШКОЛЫ VIII ВИДА****Свинарь Виктория Викторовна**

магистрант

Научный руководитель: Сафонова Виолетта Викторовна,

канд. пед. наук, доцент

ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет»,

город Донецк

Аннотация. В содержании данной статьи отражены основные механизмы возникновения дисграфии у контингента учащихся специальных (коррекционных) школ VIII вида – детей с интеллектуальными нарушениями. Нарушения письменной речи не являются самостоятельным расстройством, а сопровождаются целым рядом других нарушений, которые не являются случайными, а возникают на общей с нарушениями письма психопатологической основе. Нарушение познавательной деятельности, своеобразие и отставание в развитии всех компонентов речи, особенности эмоционально-волевой сферы и поведения детей с нарушениями интеллекта диктуют о необходимости адаптации логопедической работы особенностями развития рассматриваемой категории детей.

This article reflects the main mechanisms of dysgraphia in a group of students from special (correctional) schools of the 8th type, i.e., children with intellectual disabilities. Written language disorders are not isolated but are accompanied by a range of other disorders that are not random but arise from a common psychopathological basis. The cognitive impairments, unique characteristics, and delays in the

development of all components of speech, as well as the emotional and behavioral aspects of children with intellectual disabilities, necessitate the adaptation of speech therapy to the specific developmental needs of this group of children.

Ключевые слова: нарушения интеллекта, особенности, логопедическая работа, коррекция, дисграфия

Keywords: intellectual disabilities, characteristics, speech therapy, correction, dysgraphia

Симптоматика дисграфии у категории школьников с интеллектуальными нарушениями характеризуется большим количеством и разнообразием ошибок на письме, сложностью их механизмов, утверждают В. В. Воронкова, Е. М. Гопиченко, Е. Ф. Собонович [2, 3]. Нарушение письма проявляется чаще всего в сложном виде, в комплексе, в сочетании различных форм (акустическая и артикуляторно-акустическая и т.д.).

Большая распространенность и особенности симптоматики дисграфии у умственно отсталых детей обусловлены недоразвитием познавательной деятельности, нарушением устной речи, несформированностью языковых обобщений, нарушением деятельности речеслухового, речедвигательного и зрительного анализаторов, нарушением структуры операций письма, особенностями организации психической деятельности.

У младших школьников с нарушениями интеллекта оказываются несформированными все операции речевой деятельности. Отмечается сниженная мотивация, слабая потребность в речевом общении, нарушение программирования речевой деятельности и создания внутренних программ речевых действий, реализации речевой программы контроля за речью, сличения полученного результата с предварительным замыслом, его соответствие мотиву и цели речевой деятельности. Нарушаются все компоненты речи: ее фонетико-фонематическая сторона, лексико-грамматическая [1, 3]. Недостаточная сформированность устной речи ведет к нарушениям письменной речи, подтверждают ученые Ф. А. Рау, М. Е. Хватцев, М. Е. Боскис, Р. Е. Левина, А. Р. Лурия, Л. С. Цветкова.

Нарушение аналитико-синтетической деятельности проявляется у

школьников с нарушением интеллекта и в анализе морфологической структуры слова, и в анализе структуры предложения, звуковой структуры слова. Нечеткость представлений о звуко-слоговой структуре слова приводит к большому количеству пропусков, перестановок, замен букв на письме. Неотчетливые представления о морфологической структуре слова обуславливают большое количество аграмматизмов, искажений префиксов, суффиксов, окончаний, особенно в самостоятельном письме. Нарушение анализа структуры предложения проявляется в пропуске слов, их слитном написании, отдельном написании слова [7].

Распространенными трудностями проявляются и в аграмматизмах случаях в сложных формах словоизменения, нарушениях сложных форм словообразования, недостаточной сформированности связной речи – в пересказах наблюдаются нарушения последовательности событий.

Дисграфия у младших школьников с умственной отсталостью сопровождается распространенными орфографическими ошибками. Это объясняется тем, что применение многих правил требует достаточно высокого уровня усвоения языковых закономерностей, сформированности языковых обобщений [4].

В дополнение встречаются ошибки оптического характера, которые связаны с недоразвитием зрительного гнозиса, анализа и синтеза. В основе подобных ошибок лежат трудности оптического и оптико-пространственного анализа, недифференцированность зрительных представлений, нарушения зрительного восприятия и памяти, недоразвитие пространственных представлений.

В процессе письма фонема соотносится с определенным зрительным образом буквы. Для овладения грамотой необходима более тонкая слуховая дифференциация звуков, чем для устной речи. Небольшая недостаточность слуховой дифференциации в устной речи может восполняться за счет закрепленных в речевом опыте моторных стереотипов, кинестетических образов [5]. В процессе же письма для правильного различения и выбора фонемы необходим тонкий анализ всех акустических признаков звука, являющихся смыслоразличительными.

При нарушении какого-либо звена, участвующего в дифференциации звуков (слухового, кинестетического анализа, операции выбора фонемы, слухового

и кинестетического контроля) затрудняется в целом весь процесс фонемного распознавания, что проявляется в заменах букв на письме.

Исходя из этого, логопедическое воздействие по коррекции дисграфии у младших школьников коррекционной школы должно быть направлено на общее развитие, речевую систему в целом, а не только на конкретный изолированный дефект. На каждом логопедическом занятии ставятся задачи коррекции нарушений как фонетико-фонематической, так и лексико-грамматической стороны речи.

Важнейшее значение имеет дифференцированный подход, который предполагает учет особенностей высшей нервной деятельности (например, преобладание процесса возбуждения или процесса торможения): психические особенности ребенка, его работоспособность, особенность моторного развития, уровень несформированности речи, симптоматику речевых расстройств, их механизмы и т.д. [2].

Для коррекции нарушений письма учащиеся должны быть зачислены на логопедические занятия, определены в группы и подгруппы на основе анализа речевых нарушений. Занятия с учащимися требуется проводить с использованием специально подобранных методов и приемов коррекционной работы, направленной на устранение специфических ошибок письма.

Необходимо максимальное включение анализаторов, актуализация ощущений разной модальности, а также использование максимальной и разнообразной наглядности [2, 5]. Так, постановке звука помогают зрительное восприятие артикуляции, тактильное восприятие муляжа, кинестетические ощущения от движения кисти руки, воспроизводящей положение языка при произношении данного звука, опора на кинестетические ощущения языка, губ, которые устанавливаются в правильном положении с помощью зонда, шпателя.

В связи с тем, что у детей с умственной отсталостью ведущим нарушением является недоразвитие познавательной деятельности, весь процесс логопедической работы должен быть направлен на формирование мыслительных операций анализа, синтеза, сравнения, абстрагирования, обобщения [6]. В процессе

логопедической работы важно основываться на принципе поэтапного формирования умственных действий (П. Я. Гальперин, Д. Б. Эльконин и др.). Это необходимо для того, чтобы от наглядно-действенного и наглядно-образного мышления перейти к организации действия во внутреннем плане, формирование речевых действий должно осуществляться по следующим этапам:

1) Материализация действия с опорой на вспомогательные средства. Так, работа по развитию дифференциации звуков на этом этапе предполагает использование картинок, названия которых анализируются, а также графических схем слов. Ребенок, выделяя звуки из слова, выкладывает фишки разного цвета в клеточки, соответствующие тому или иному звуку.

2) Выполнение действия в речевом плане. На этом этапе ребенок произносит слово и на основе его слухового и кинестетического образа, без опоры на вспомогательные средства, определяет наличие одного или другого звука в слове.

3) Выполнение действия во внутреннем плане. На этом этапе ребенок осуществляет дифференциацию звуков без материальных и речевых опор, по представлению. В логопедической работе с умственно отсталыми детьми необходим постепенный, последовательный переход от одного этапа к другому, что связано с особенностями мыслительной деятельности школьников.

В связи с тем, что старые условно-рефлекторные связи у умственно отсталых детей очень консервативны, изменяются с трудом, необходимо особенно тщательно отрабатывать этапы закрепления правильных речевых навыков [5, 6]. Частая повторяемость логопедических упражнений обусловлена слабостью замыкательной функции коры, трудностью формирования новых условно-рефлекторных связей, их хрупкостью, быстрым угасанием без достаточного подкрепления. Усвоенные в логопедическом кабинете правильные речевые навыки у умственно отсталых детей исчезают в других ситуациях, на другом речевом материале. В связи с этим, очень важно закрепить правильные речевые навыки в различных ситуациях (диалог с детьми, взрослыми, разговор по телефону, пересказ прочитанного, самостоятельные пересказы и т. д.).

Программа логопедических занятий построена по цикличному принципу и предполагает повторение лексической тематики в каждом классе, на более высоком уровне (усложняется речевой материал, формы звукового анализа и синтеза).

Содержание логопедической работы должно находиться в соответствии с программой обучения грамоте, изучения родного языка. Сформированность практического уровня владения языком является необходимым условием для изучения языковых явлений и закономерностей овладения знания о языке. Таким образом, логопедическая работа должна подготавливать детей к усвоению программы по русскому языку [1].

Для эффективного усвоения правильных речевых навыков школьников данной категории ОВЗ необходим определенный, не очень быстрый темп работы. Учитывая быструю утомляемость, склонность детей к охранительному торможению, необходимо проводить частую смену видов деятельности, переключение ребенка с одной формы работы на другую.

При проведении логопедических занятий необходимо ясное понимание ребенком цели занятия. В связи с этим цели занятия должны быть изложены детям чрезвычайно конкретно, в доступной форме. Любая задача должна быть максимально разложена на простейшие задачи.

Тщательная дозировка заданий и речевого материала обуславливается спецификой познавательной деятельности школьников, необходимостью постепенного усложнения заданий и речевого материала. Одно и то же задание выполняется сначала на простом речевом материале, затем – на более сложном. Усложнение задания, введение более трудного задания предлагается вначале на простом речевом материале. Одновременное усложнение задания и речевого материала приводит к невозможности его выполнения детьми.

Несформированность контроля, слабость волевых процессов у умственно отсталых детей обуславливает необходимость тесной связи работы логопеда, учителя, воспитателя и родителей [6]. Учитель-логопед должен проводить работу в тесной связи с медицинским персоналом, чтобы реализовывать

комплексный медико-педагогический подход к устранению речевых нарушений и проводить коррекцию речевой патологии на благоприятном фоне. Также учитель-логопед специальной (коррекционной) школы VIII вида, при перспективном планировании, учитывая необходимость участия в логопедической работе учителей, воспитателей и родителей, должен уделять большое внимание работе с педагогическим коллективом школы и родителями по пропаганде логопедических знаний.

При выборе времени проведения занятия существует мнение, что давать предпочтение лучше всего утренним либо послеобеденным часам, так как в это время у детей отмечается наиболее высокий уровень концентрации внимания и работоспособности. Однако не стоит забывать об учащих, чьи индивидуальные особенности не укладываются в стандартные характеристики. Поэтому важно выявление оптимального периода работоспособности школьника для достижения максимального результата.

Помощь со стороны учителя-логопеда является базовым условием в овладении детьми необходимыми знаниями, умениями и навыками. Прежде всего, необходимо создать ситуацию успеха. Важно поддерживать у умственно отсталого ребенка интерес к исправлению речи, воздействовать на его эмоциональную сферу.

Таким образом, специфика логопедической работы в специальной (коррекционной) школе VIII вида обусловлена, с одной стороны, характером нарушения высшей нервной деятельности, психопатологическими особенностями школьников данной категории, прежде всего – снижением уровня аналитико-синтетической деятельности, с другой – особенностями речевого развития и структуры речевого дефекта.

Можно сделать вывод – изучение нарушений письма у детей с интеллектуальными нарушениями не дает оснований для окончательных выводов о механизмах дисграфии. Проведение систематической работы по общему и речевому развитию школьников с нарушениями интеллекта с обязательным учетом типологических и индивидуальных особенностей контингента специальных

(коррекционных) школ VIII позволит в определенной степени преодолеть нарушения письма.

Список литературы

1. Буковцова, Н. И. Преодоление дисграфии, обусловленной нарушением операций анализа и синтеза у учащихся с интеллектуальной недостаточностью: Дис. ... канд. пед. наук: 13.00.03/ Буковцова Нина Ивановна – Самара – 2001. – 202 с.
2. Волкова Л. С. Логопедия / Под ред. Л. С. Волковой, С. Н. Шаховской. – М.: «Владос», 2009. – 703 с.
3. Воронкова В. В. Обучение грамоте и правописанию в 1–4 классах вспомогательной школы. — М.: Школа-Пресс, 2001. — 138 с.
4. Елецкая О. В., Горбачевская Н. Ю. Логопедическая помощь школьникам с нарушениями письменной речи: формирование представлений о пространстве и времени: методическое пособие. – СПб.: Речь, 2006. – 180 с.
5. Лалаева Р. И., Бенедиктова Л. В. Нарушение чтения и письма у младших школьников: диагностика и коррекция – СПб.: «Союз», 2010. – 224 с.
6. Лебединский В. В. Нарушения психического развития в детском возрасте / В.В. Лебединский – 3-е изд., стереотип. – М.: Академия, 2006. 144 с.
7. Хватцев М. Е. Аграфия и дисграфия / Хрестоматия по логопедии. — М.: Владос, 1999. — 542 с.

ПОЛИТОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

УДК 327.8

МЕДИЙНАЯ ДИПЛОМАТИЯ КИТАЯ: РОЛЬ МЕЖДУНАРОДНОЙ ЖУРНАЛИСТИКИ В СТРАТЕГИЯХ МЯГКОГО ВЛИЯНИЯ

Подорожная Анна Леонидовна

магистрант

ФГБОУ ВО «Санкт-Петербургский государственный университет»,
город Санкт-Петербург

***Аннотация.** В статье анализируется медийная дипломатия Китайской Народной Республики как важнейший инструмент реализации стратегии мягкого влияния. На основе работ российских и китайских исследователей рассматриваются эволюция политики мягкой силы КНР, её культуросцентричная интерпретация и роль национальных и международных в формировании позитивного образа Китая за рубежом. Показано, что международная журналистика КНР одновременно служит каналом внешнеполитического позиционирования, продвижения культурных кодов и конструирования альтернативной повестки в условиях доминирования западных медиасистем, при этом эффективность медийной дипломатии ограничивается жёстким государственным контролем над СМИ и дефицитом доверия со стороны зарубежной аудитории.*

The article analyzes the media diplomacy of the People's Republic of China as a key instrument in implementing its soft power strategy. Drawing on works by Russian and Chinese scholars, it examines the evolution of China's soft power policy, its culture-centric interpretation, and the role of national and international media in shaping a positive image of China abroad. The article shows that Chinese international journalism simultaneously functions as a channel for foreign policy positioning, the

promotion of cultural codes, and the construction of an alternative agenda in the context of Western media dominance, while the effectiveness of China's media diplomacy is constrained by strict state control over the media and a lack of trust on the part of foreign audiences.

Ключевые слова: *Китай, мягкая сила, медийная дипломатия, международная журналистика, иновещание, международный имидж государства, культурная мягкая сила*

Keywords: *China, soft power, media diplomacy, international journalism, international broadcasting, international image of the state, cultural soft power*

В конце XX – начале XXI века конкуренция государств за глобальное и региональное лидерство заметно сместилась в сферу нематериальных ресурсов: ценностей, образов, интерпретаций международных событий. В этом контексте особую значимость приобретает мягкая сила как способность добиваться желаемых результатов через привлекательность культуры, политических ценностей и внешней политики, а не через прямое принуждение [2, с. 38]. Для КНР, стремящейся закрепить за собой статус одной из ведущих мировых держав, задача формирования привлекательного международного образа становится одним из основополагающих аспектов внешней и внутренней политики. Медийная дипломатия – целенаправленное использование медиасистемы во внешнеполитических целях – выступает здесь в качестве главного инструмента: через национальные и международные медиа КНР транслирует желаемые образы себя как ответственного, экономически динамичного и культурно самобытного актора.

Теоретической отправной точкой для Китая стала концепция мягкой силы Дж. Ная, однако уже в 2000-е годы китайские исследователи начали её переосмысление. Дискуссия тогда развернулась вокруг задачи адаптации западного концепта к китайской специфике, опирающейся на конфуцианскую и даосскую традиции приоритета ненасильственного воздействия и гармонии [1, с. 66–68]. В результате оформляется культуроцентричная модель мягкой силы, в рамках которой именно культура и язык рассматриваются как ядро нематериального влияния. В китайском научном и политическом дискурсе закрепляется понятие

«мягкая сила культуры» (中国文化软实力), объединяющее представление о культуре как о ресурсе и как об инструменте внешнеполитического и внутривнутриполитического воздействия [2, с. 39–44]. В отличие от исходной американской трактовки, где мягкая сила служит легитимации глобального лидерства США.

История развития политики мягкой силы КНР позволяет выделить несколько этапов. В 1990-е годы элементы мягкого влияния присутствовали главным образом в риторике о «мирном подъёме» и политике «реформ и открытости», а медиакомпонент играл вспомогательную роль. Качественный поворот произошёл в период правления Ху Цзиньтао: на XVII съезде КПК (2007 г.) мягкая сила была впервые закреплена в партийных документах, причём не в блоке внешней политики, а в разделе, посвящённом культуре. Это институционализовало культуросцентричное понимание мягкой силы и придало импульс созданию сети Институтов Конфуция, поддержке национальных культурных индустрий и расширению присутствия китайских медиа за рубежом как формам «взаимовыгодного сотрудничества» [3, с. 99–101].

С приходом к власти Си Цзиньпина акценты сместились и внешнеполитический вектор мягкой силы культуры частично перенаправился внутрь: концепция «четырёх уверенностей» (в пути, теории, строе и культуре социализма с китайской спецификой) и стратегия «двойной циркуляции» [2, с. 46–49]. Речь шла не об отказе от мягкой силы, а о изменении: внешняя культурная и медийная экспансия теперь сочеталась с задачами консолидации общества, укрепления уверенности в национальной культуре и снижения зависимости от внешних источников легитимации. Следовательно, международная журналистика КНР должна ориентироваться не только на зарубежную аудиторию, но и на внутреннюю, обеспечивая поддержку внешнеполитического курса и подтверждая тезис о растущей роли Китая в мире.

Китайская медиаиндустрия за последние два десятилетия превратилась в важнейший инструмент реализации стратегии мягкой силы. Так, рынок медиа и развлечений КНР демонстрирует опережающие национальную экономику

темпы роста, а по объёму уступает лишь США [3, с. 102–103]. В центре этой системы находятся крупные государственные медиакорпорации: информационное агентство «Синьхуа», газетно-издательский концерн «Жэньминь жибао» (People's Daily), национальная телесеть CCTV и её международный бренд CGTN, а также «Международное радио Китая» (China Radio International). Они формируют ядро иновещательной инфраструктуры, ориентированной как на иностранную аудиторию, так и на китайскую диаспору. «Синьхуа» развивает мультязычные цифровые платформы, что позволяет Китаю оперативно продвигать собственные интерпретации международных событий. People's Daily и его интернет-подразделение People's Daily Online ведут работу на ряде иностранных языков, в том числе русском, позиционируя себя как альтернативу западным медиагигантам [3, с. 105–106]. China Daily выпускает специальные региональные версии для США, Европы, Африки и Латинской Америки [3, с. 106–107]. Global Times, в свою очередь, транслирует правительственную точку зрения в более популярном формате, сочетая официальную линию с эмоционально окрашенной подачей, что делает её заметным участником глобальной дискуссии о Китае.

Более того, к медийной дипломатии Китая относится и использование аудиовизуальных индустрий как ресурса мягкой силы. Н. В. Ткачёва отмечает стремительное развитие китайского кинематографа, ориентированного как на внутренний рынок, так и на продвижение на Запад через копродукцию с голливудскими студиями, расширение сети кинотеатров и создание крупных киностудийных комплексов [3, с. 111–113]. Фильмы, демонстрирующие экономические успехи, технологический прогресс и героизацию национальной истории, становятся частью более широкой стратегии по конструированию привлекательного образа страны в глобальном культурном пространстве. Это выигрышная стратегия, поскольку кино и сериалы превращаются в значимый канал мягкого влияния на зарубежные аудитории на фоне повышения популярности визуальных форматов.

Эффективность китайской медийной дипломатии, однако, далека от однозначной. Некоторые исследователи указывают на сохраняющийся разрыв между

экономической и военной мощью Китая, с одной стороны, и уровнем его культурно-информационного влияния – с другой [5, с. 112–113]. В условиях конкуренции с устоявшимися брендами западных СМИ (CNN, BBC, Reuters и др.) китайские структуры иновещания сталкиваются с проблемой доверия: для значительной части зарубежной аудитории они воспринимаются прежде всего как официальные рупоры государства. В западном политическом дискурсе всё чаще применяется термин «острая сила» применительно к действиям России и Китая, когда культурные и медийные инструменты трактуются не как мягкое влияние, а как скрытое вмешательство и манипуляция [2, с. 37–38]. Это ведёт к ограничительным мерам: сокращению активности Институтов Конфуция, более жёсткому регулированию деятельности китайских СМИ за рубежом, росту подозрительности к любым формам китайского присутствия в информационной сфере.

Дополнительным вызовом становится внутренняя структура медиасистемы КНР. Жёсткий политический контроль, иерархичность коммуникации и доминирование официальной повестки затрудняют развитие форматов, связанных с критикой власти и открытыми общественными дискуссиями, что ограничивает пространство для профессиональной автономии международной журналистики [4, с. 122–123]. В результате китайские СМИ, с одной стороны, обеспечивают высокую степень согласованности с внешнеполитическими установками, а с другой – оказываются менее гибкими и менее убедительными для аудитории, привыкшей к плюралистическим медиасредам.

Подводя итог, можно констатировать, что медийная дипломатия – важная часть китайской стратегии мягкого влияния. Переосмыслив западную концепцию мягкой силы и выстроив собственную теорию «мягкой силы культуры», КНР превратила медиасистему в один из главных каналов проекции своих ценностей, интересов и интерпретаций международных событий. Роль международной журналистики Китая сейчас двойственна: ей приходится одновременно подтверждать образ страны как ответственного глобального актора и укреплять внутренний консенсус вокруг избранной модели развития. Насколько успешно китайским медиа удастся совместить эти функции и выработать более гибкие,

диалогичные практики коммуникации, во многом определит дальнейшую результативность медийной дипломатии Китая.

Список литературы

1. Ганьшина Г. И. История развития политики мягкой силы в Китае / Вестник Российского университета дружбы народов. Сер.: Международные отношения. 2016. № 3. С. 63–72.
2. Зиневич О. В., Селезнёва Н. В. Новая стратегия «мягкой силы» Китая / Вестник МГИМО Университета. 2022. Т. 15, № 6. С. 36–54.
3. Ткачёва Н. В. Национальные медиа как инструменты продвижения мягкой силы Китая / Вестник Московского университета. Сер. 10: Журналистика. 2019. № 6. С. 94–119.
4. Ху Жуйци. Роль традиционных медиа в продвижении международного имиджа КНР / Известия Саратовского университета. Новая серия. Сер.: Филология. Журналистика. 2022. Т. 22, вып. 1. С. 120–124.
5. Чао Бинцин. Результативность и ограничения использования «мягкой силы» во внешней политике КНР / Каспийский регион: политика, экономика, культура. 2023. № 1 (74). С. 112–116.

МЕДИЦИНСКИЕ НАУКИ

УДК 616.853-053.2-057.875

АНАЛИЗ ДОВЕРИТЕЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЙ КАК ФАКТОРА ДОСТИЖЕНИЯ РЕМИССИИ ПРИ ЭПИЛЕПСИИ: ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ С ПАЦИЕНТОМ И ЕГО СЕМЬЕЙ

Шкурко Анна Дмитриевна

врач-ординатор

Минакова Ольга Викторовна

к.п.н., доцент

Научный руководитель: Хорошилова Наталья Леонидовна,

к.м.н., доцент

ФГБОУ ВО «ОГУ имени И. С. Тургенева», город Орел

***Аннотация.** В статье проведен аналитический обзор роли доверительных отношений между врачом, пациентом с эпилепсией и его семьей как критического фактора для достижения и поддержания лекарственной ремиссии. Рассмотрены социально-психологические последствия заболевания, включая стигматизацию и внутрисемейные конфликты, негативно влияющие на комплаенс [1, 2, 8, 10]. Проанализированы ключевые элементы эффективной коммуникации, психообразования и совместного принятия решений, направленные на повышение приверженности лечению. Показано, что системное вовлечение микросоциального окружения пациента в терапевтический альянс способствует оптимизации долгосрочного ведения и улучшению качества жизни [3, 5, 7].*

***Abstract.** The article provides an analytical review of the role of trust-based relationships between the physician, the patient with epilepsy, and their family as a critical factor for achieving and maintaining drug remission. The socio-psychological consequences of the disease are considered, including stigmatization and intrafamilial*

conflicts that negatively affect compliance [1, 2, 8, 10]. Key elements of effective communication, psychoeducation, and shared decision-making aimed at improving treatment adherence are analyzed. It is shown that the systemic involvement of the patient's microsocial environment in the therapeutic alliance contributes to the optimization of long-term management and improvement of quality of life [3, 5, 7].

Ключевые слова: *эпилепсия, анализ, терапевтический альянс, доверительные отношения, комплаенс, ремиссия, психообразование, семья, биопсихосоциальная модель, стигматизация*

Keywords: *epilepsy, analysis, therapeutic alliance, trust-based relationships, compliance, remission, psychoeducation, family, biopsychosocial model, stigmatization*

Эпилепсия как хроническое неврологическое заболевание представляет собой сложный медико-социальный феномен. Ее течение сопряжено не только с неврологическим дефицитом, но и с комплексом социально-психологических проблем, тяжесть которых зачастую превышает медицинские аспекты [1, 8, 10]. К последствиям относят социальную стигматизацию, ведущую к ограничениям в профессиональной реализации и снижению социальных амбиций, а также высокую распространенность тревожно-депрессивных расстройств среди пациентов [1]. Существенное влияние на траекторию болезни оказывает микросоциальное окружение, в частности, семейная система, которая выполняет функции ухода, поддержки и адаптации [3]. Характер внутрисемейных отношений выступает предиктором исхода: от успешной компенсации до глубокой социальной дезадаптации и инвалидизации. При этом сама семья часто становится «вторичной жертвой» болезни, испытывая хронический стресс, связанный с постоянным ожиданием приступа, чувством вины и эмоциональным выгоранием, что в итоге способствует социальной изоляции всей семейной единицы [2, 7].

Современный подход к ведению пациентов с эпилепсией основан на биопсихосоциальной модели, где эффективность лечения определяется не только фармакотерапией, но и качеством взаимодействия в системе «врач–пациент–семья». В этой связи аналитика доверительных отношений становится ключевой

для достижения состояния «приступы под контролем» [5].

В эпилептологии доверительные отношения предполагают уверенность пациента ответственность за процесс лечения. Недостаток доверия ведет к сокрытию информации о приступах, нарушению режима терапии и, как следствие, к рецидивам [5]. Напротив, прочный терапевтический альянс обеспечивает регулярный мониторинг состояния, своевременную коррекцию лечения и активное участие пациента в управлении своим здоровьем. Доверие здесь является интегральным фактором, связывающим и его семьи в компетентности врача, открытость в коммуникации и совместную клинические назначения с их реализацией в повседневной жизни пациента.

Приверженность (комплаенс) лечению, понимаемая как степень следования медицинским рекомендациям, является основным предиктором достижения ремиссии. Нерегулярный прием ПЭП — одна из частых причин срыва ремиссии [5, 9]. На комплаенс влияют как объективные факторы (кратность приема, доступность препаратов), так и субъективные, напрямую зависящие от качества коммуникации с врачом: понимание необходимости лечения, ожидание побочных эффектов, уровень тревоги. Доверительные отношения, основанные на ясном разъяснении принципов терапии и совместном обсуждении рисков, напрямую повышают приверженность [4, 9].

Для верификации теоретических положений о роли семьи был проведен ретроспективный анализ 45 амбулаторных карт пациентов с эпилепсией. Критерием разделения на две группы (основная – 25 человек, контрольная – 20 человек) служил фактор системного вовлечения семьи в терапевтический процесс (регулярное участие родственников в консультациях, посещение школ для пациентов и родственников). Анализ показал, что в основной группе, где работа велась в формате «врач–пациент–семья», показатель достижения 12-месячной ремиссии через 2 года наблюдения составил 76%, в то время как в контрольной группе (стандартное ведение) – 45%. Кроме того, в основной группе было зафиксировано статистически значимое снижение баллов по шкалам тревоги (HADS) и стигмы [1], а также более высокая регулярность визитов и приема терапии.

Семья может выступать как мощным ресурсом, так и фактором риска. При партнерской модели отношений, основанной на принятии диагноза и эмоциональной поддержке, она становится ключевым ресурсом, способствующим психологической адаптации пациента, повышению его самооценки и социальной интеграции [3, 7]. Однако при доминировании гиперопеки, ограничительного контроля и высокой тревожности родственников семейная среда трансформируется в патогенный фактор. Это способствует формированию пассивной, зависимой позиции пациента, личностным изменениям и, как следствие, утяжелению клинической картины заболевания [2]. Следовательно, целенаправленная работа по оптимизации внутрисемейных отношений и повышению медицинской грамотности родственников является необходимым элементом комплексной терапии, направленной на повышение качества жизни и уровня независимости пациента.

На основании проведенного анализа сформулированы следующие практические рекомендации для клиницистов:

1. Применение стратегии эффективной коммуникации: использование ясного, не содержащего избыточной терминологии языка; применение метода «обратной связи» для проверки понимания информации; развитие навыков эмпатического слушания.

2. Реализация программ структурированного психообразования: разъяснение патофизиологических основ эпилепсии, механизмов действия и логики выбора ПЭП, идентификация и управление провоцирующими факторами (депривация сна, стресс). Важным аспектом является формирование реалистичных, но оптимистичных ожиданий от терапии [5, 7].

3. Внедрение в практическую деятельность модели совместного принятия решений (Shared Decision Making): обсуждение выбора ПЭП с учетом индивидуального образа жизни пациента (график работы, учебы), открытое информирование о потенциальных нежелательных явлениях и стратегиях их коррекции. Обязательным является инклюзия членов семьи в процесс обсуждения долгосрочного плана лечения [4].

4. Организация системы долгосрочного сопровождения: обеспечение преемственности между этапами медицинской помощи, поддержание регулярного контакта (в том числе в период ремиссии), создание у пациента и его окружения устойчивого чувства доступности и профессиональной поддержки.

Проведенный анализ позволяет утверждать, что достижение и поддержание устойчивой ремиссии при эпилепсии детерминировано не только фармакологическими, но и психосоциальными факторами, ключевым из которых является качество доверительных отношений в системе «врач–пациент–семья». Эти отношения выступают основным медиатором, трансформирующим клинические предписания в высокую приверженность лечению, и создают необходимую среду для психосоциальной адаптации. Преодоление стигмы и ее интериоризированных форм требует активной просветительской работы со всеми участниками терапевтического процесса [1, 8]. Внедрение психообразовательных и когнитивно-поведенческих интервенций, адресованных как пациенту, так и его семейному окружению, является неотъемлемым компонентом современной комплексной помощи [7]. Несмотря на недостаточную распространенность подобных практик в рутинной неврологической службе, их интеграция в клинические протоколы представляет собой стратегическое направление для улучшения долгосрочных прогнозов и качества жизни пациентов с эпилепсией и их семей.

Список литературы

1. Герсамя А. Г., Парфенова Е. В., Яковлев А. А., Жаркинбекова Н. А., Ридер Ф. К. Психометрические свойства шкалы стигмы при эпилепсии / Журнал неврологии и психиатрии им. С. С. Корсакова. – 2019. – Т. 119. – № 11-2. – С. 29–33.

2. Кочкина А. А., Малинина Е. В. Социальные аспекты больных эпилепсией / Эпилептология в системе нейронаук: сборник материалов конференции / редколлегия: Незнанов Н. Г., Михайлов В. А. – 2015. – С. 110–111.

3. Гузева О. В., Гузева В. И., Гузева В. В., Охрим И. В., Касумов В. Р. Качество жизни детей с эпилепсией (психоневрологические и социальные

аспекты). Учёные записки Первого Санкт-Петербургского государственного медицинского университета имени академика И. П. Павлова. 2016;23(4):12-17.

4. Калабашина П. М., Епанешникова Т. П., Широких С. С. Проблема комплаентного поведения пациентов и его окружающих в педиатрической практике / Проблемы биологии и медицины. – 2020. – № 1-1 (117). – С. 288.

5. Карлов В. А. Эпилепсия у детей и взрослых женщин и мужчин. Руководство для врачей. 2-е изд. — М.: БИНОМ, 2019. — 896 с.

6. Котов А. С., Фирсов К. В. Эпилепсия: руководство для врачей. – М., 2021.

7. Улитин А. Ю., Василенко А. В., Булаева М. А., Соколов И. А., Лобзин С. В. Эпилепсия – как социально значимое заболевание / IX Всероссийский съезд нейрохирургов: сб. тезисов. – М., 2021. – С. 333.

8. Румянских А. С. Эпилепсия. Стигматизация людей с эпилепсией / Молодежь, наука, медицина: тезисы докладов 67-й всероссийской межвузовской студенческой научной конференции с международным участием. – Тверь, 2021. – С. 180–181.

9. Тихомирова Г. И. Ответственность пациентов за свое будущее здоровье / Проблемы биологии и медицины. – 2020. – № 1-1 (117). – С. 493–494.

10. Зорин Р. А., Жаднов В. А., Лапкин М. М. Сравнительный анализ физиологических механизмов результативности целенаправленной деятельности у здоровых лиц и больных эпилепсией / Журнал неврологии и психиатрии им. С. С. Корсакова. – 2019. – Т. 119. – № 6. – С. 14–19.

**«ИННОВАЦИОННОЕ РАЗВИТИЕ СОВРЕМЕННОЙ НАУКИ:
ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И ПРАКТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ»
XV Международная научно-практическая конференция
*Научное издание***

ООО «НИЦ ЭСП» в ЮФО
(подразделение НИЦ «Иннова»)
353445, Россия, Краснодарский край, г.-к. Анапа,
ул. Весенняя, 8, оф. 1
Тел.: 8-800-201-62-45; 8 (861) 333-44-82

Подписано в печать 09.02.2026 г. Формат 60x84/16. Усл. печ. л. 3,6
Бумага офсетная. Печать: цифровая. Гарнитура шрифта: Times New Roman
Тираж 50 экз. Заказ 270.